

ЛБЧ1 27

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л А Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

БРОНЗОВЫЙ ПСАЛИЙ С ГОРОДИЩА КЮЗЕЛИ-ГЫРА В ХОРЕЗМЕ

Среди материалов Хорезмской экспедиции, возглавляемой С. П. Толстовым, оказался обломок бронзового псалия оригинальной формы, аналогий которому мы не знаем ни в Средней Азии, ни в Восточной Европе. Он был найден в 1950 г. на развеенном участке площади известного древнего городища Кюзели-гыр, открытого в 1939 г. на заброшенном канале Чермен-яб, в той части пустыни Кара-Кум, где она примыкает к культурным землям Ташаузской области Туркменской ССР.¹

Псалий обломился в древности на месте большого овального отверстия, выше которого имеется цилиндрическое утолщение с небольшим круглым отверстием, расположенным поперечно к овальному отверстию; далее псалий продолжается в виде круглого стержня, несколько загнутого вбок и заканчивающегося кнопкой конической формы (рис. 1).

Тогда же на городище Кюзели-гыр было подобрано более десятка бронзовых наконечников стрел скифского типа. Все они обычные втульчатые, трехлопастные. Среди них имеются наконечники с массивной длинной втулкой и маленькой головкой (рис. 2, 1—3) и с короткой втулкой, но с большой длинной головкой (рис. 2, 4), известные по колчанным наборам из скифских курганов VI в. до н. э.² Другие наконечники стрел, широкобазисные, с концами граней в виде шипов, опущенных ниже края втулки (рис. 2, 6—8), датируются V в. до н. э.³ На основании находок подобных же бронзовых наконечников стрел, сделанных на городище Кюзели-гыр в 1939 г., С. П. Толстов установил, что оно существовало в VI—V вв. до н. э. Это подтверждается и всеми остальными вещами (сосуды, статуэтки и др.) городища. Не зная псалий описанного типа по находкам на других памятниках, мы и его готовы были отнести к тому же времени.

Однако, вопреки такому предположению оказалось, что псалий с городища Кюзели-гыр относится к значительно более ранней поре. Выяснить это совершенно неожиданно удалось по некоторым данным относительно младшего и позднего бронзового века в Центральной Европе, приведенным в статье О. Китлицевой. Статья посвящена археологическому изучениюклада бронзовых вещей, найденного в 1926 г. в Старом Седле, расположенном на границе Милевского и Таборского округов

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77 и сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 91—94.

² P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, табл. I, G, H.

³ Там же, табл. VII, 1 G, J—L.

в Южной Чехии⁴. В кладе были топор, серпы, браслеты, булавки, подвески, крюк от узды(?) и два одинаковых псалия. Псалии эти особого типа и являются пока единственными в материалах по археологии Чехословакии. Им-то и уделяется наибольшее внимание в статье О. Китлицовой. Псалии бронзовые (рис. 3, 3), в утолщенной части ближе к нижнему концу они имеют два больших овальных отверстия, в промежутке между которыми находится малое круглое отверстие, расположенное поперек по

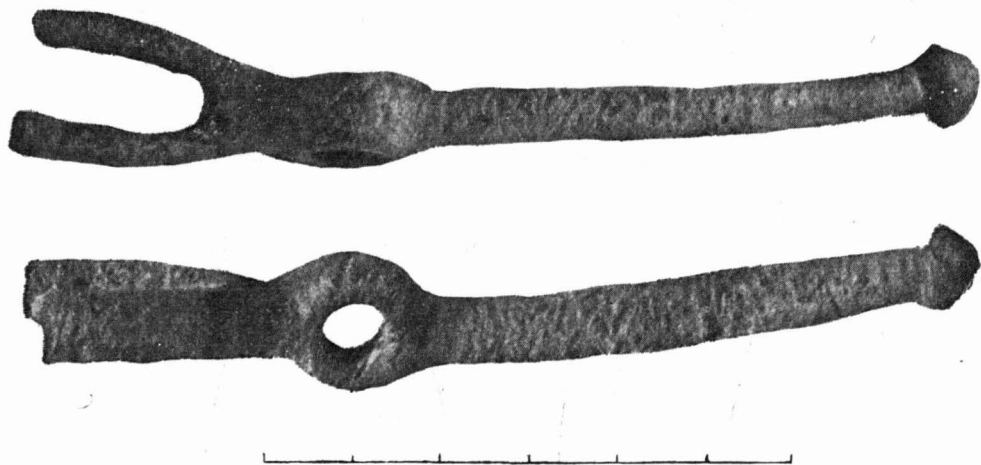

Рис. 1. Бронзовый псалий (фрагмент) с городища Кюзели-гыр в Хорезме

отношению к первым; выше отверстий псалий имеет стержневидный, несколько загнутый вбок отросток, заканчивающийся двухярусной кнопкой.

Сравнив псалии клада из Старого Седла с древнейшими роговыми средневропейскими, лучше всего изученными в настоящее время в Венгрии⁵, О. Китлицова установила, что по своему устройству они стоят ближе всего к псалиям типа Тосег. При этом она предполагает, что псалии такого вида выработались на местной основе в Центральной Европе в период между средней порой бронзы и началом позднего бронзового века. В общем О. Китлицова относит их к значительно более раннему времени, чем ступень В гальштатского периода по П. Рейнеке (900—750 гг. до н. э.), а именно к младшей поре бронзового века, который соответствует по П. Рейнеке BD — HA (1200—900 гг. до н. э.). Подтверждение такой ранней даты псалий она находит и в прочих вещах клада из Старого Седла.

Кроме того, Китлицовой удалось выделить еще небольшую серию бронзовых псалий, происходящих из Франции, Швейцарии, Швеции и Дании и близких по типу к псалиям из Старого Седла, хотя и не вполне аналогичных им (рис. 3, 4—7). Все они изготовлены различно, но имеют черты, которые объединяют их в особую группу. Главной из этих черт является наличие одного большого овального отверстия. Эти псалии, по данным Китлицовой, также могут быть отнесены к младшей ступени

⁴ О. Kytlicová. Hromadný nález bronzů od Starého Sedla (okres Milevsko). Památky Archeologické, číslo 1, ročník XLVI, 1955, стр. 52—73.

⁵ A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Carpathes. Acta Archaeologica, t. III, fasciculi 1—4. Budapest, 1953, стр. 69—111.

бронзового века (BD — HA по П. Рейнке) и представляют большой интерес для изучения древнейших принадлежностей узды.

Именно в этой-то маленькой группе бронзовых псалий Центральной Европы есть один, происходящий из Ст. Сульпиц в Швейцарии, совершенно одинаковый с псалием из городища Кюзели-гыр. В утолщенной

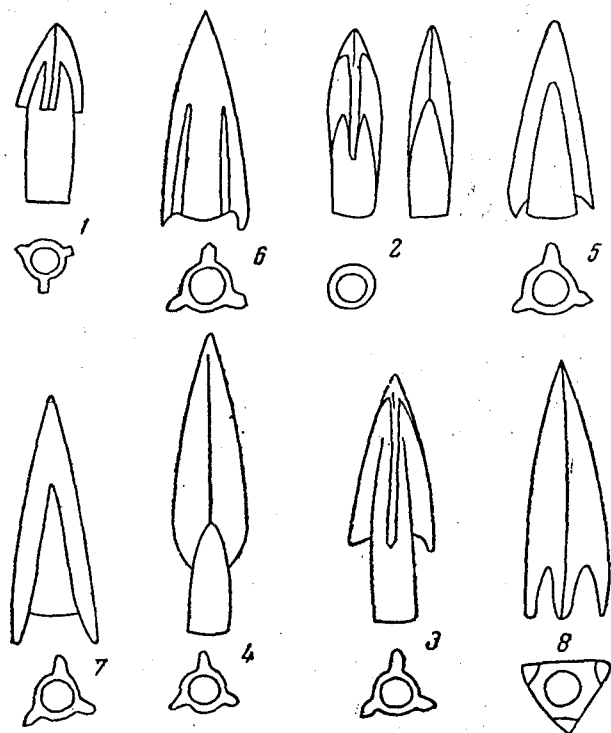

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел с городища Кюзели-гыр в Хорезме

части его имеется такое же большое овальное отверстие, а над ним находится цилиндрическое утолщение с малым поперечным отверстием, выше которого идет загнутый вбок круглый в разрезе стержень, заканчивающийся также конической кнопкой; нижний же конец, не сохранившийся у кюзелигырского экземпляра, имеет род коротенького раструба (рис. 3, 5). Несмотря на огромное расстояние, разделяющее места двух этих интересных находок (более 3500 км), нужно признать, в виду особой оригинальности их типа и устройства, что они имеют общее происхождение и должны относиться приблизительно к одному и тому же времени. Центральноевропейские находки не оставляют места для сомнений в том, что псалий из Кюзели-гыра следует датировать не скифским, а довольно ранним доскифским временем. Теперь стало ясно, что он значительно старше тех бронзовых наконечников стрел, которые встречаются на этом городище. У нас сейчас нет серьезных оснований для уточнения датировки кюзели-гырской находки, но нужно думать, что и на Востоке (как это вполне убедительно доказано Китлицевой для Центральной Европы) псалии данного типа существовали раньше, чем там появились костяные и бронзовые псалии с тремя параллельными отвер-

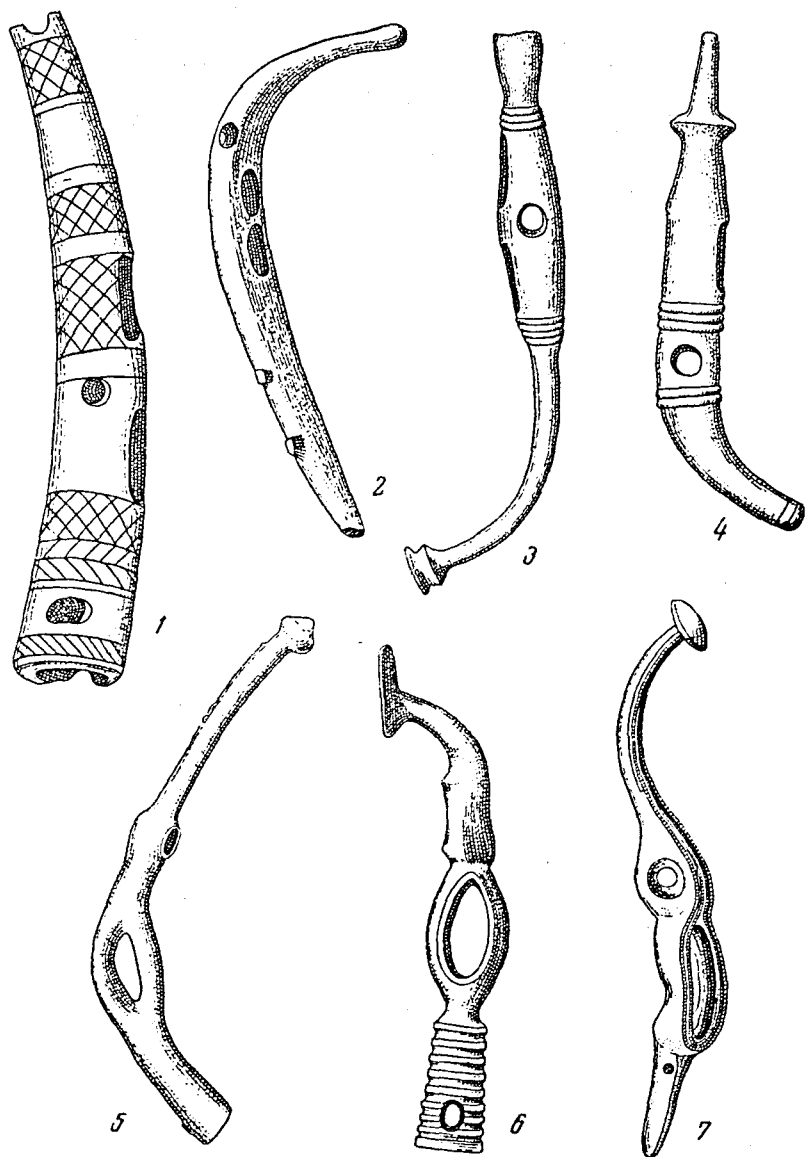

Рис. 3. Костяные (1, 2) и бронзовые (3, 7) псалии из Центральной Европы:

1, 2 — Тосег, Венгрия; 3 — Старое Седло, Чехия; 4 — Лармаул, Франция;
5 — Ст. Сульнице, Швейцария; 6 — Нимф, Швеция; 7 — Дания.

ствиями. В Западной Европе такого рода псалии получили широкое распространение на позднейшей ступени бронзового века (НВ), а на нашей территории — в эпоху чернолесской культуры и старейших погребений Каменноостовского могильника⁶, соответствующую времени великих передвижений киммерийских и скифских племен в VIII—VII вв. до н. э. В Северном Причерноморье они появились впервые еще на последних ступенях существования срубной культуры, а в Среднем Поднепровье — в белогрудовское время, в X или IX в. до н. э.

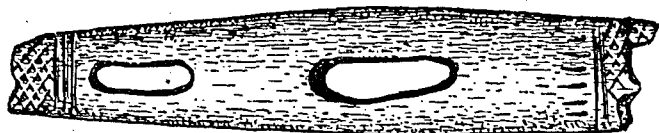

Рис. 4. Костяной псалий с поселения у с. Сабатиновки на Южном Буге. Н. в.

Кстати нужно указать, что в западной части Украины найдены костяные псалии, близкие к группе древнейших среднеевропейских псалий типа Тосег (точнее — типа Бояриш⁷), в которых Китлицова видит прототип своих бронзовых псалий. Один такой костяной псалий, отличающийся богатой орнаментацией, происходит из Сокальского района (с. Бельц) Львовской области. В свое время он был отнесен Т. Сулимирским к памятникам фрако-киммерийской культуры⁸. Другой известный нам костяной псалий такого устройства происходит из поселения второй ступени срубной культуры бронзового века у с. Сабатиновки на Южном Буге (Ульяновский район Одесской области)⁹. Псалий этот, найденный (при раскопках) А. В. Добровольским, к сожалению, не был опубликован; в настоящий момент он хранится в собрании Института археологии Академии наук Украинской ССР. Сабатиновский псалий (рис. 4), подобно старейшим среднеевропейским роговым псалиям, имеет в середине два больших овальных отверстия, а по концам два малых круглых отверстия,

⁶ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. зап. Научно-исследовательского ин-та Кабардинской АССР», вып. V, 1950; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, 1953, XVIII, стр. 109—110; его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.

⁷ A. Mozsolics. Указ. соч., стр. 95—97.

⁸ T. Sulimierski. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen. «Wiener prahistorische Zeitschrift», Wien, 1938, B. XXV, стр. 146, рис. 7; L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, табл. XX, 7.

⁹ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. «Археологічні пам'ятки УРСР», Київ, 1952, т. IV, стр. 84 и сл.; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА СССР, т. 46, М., 1956, стр. 122 и сл.

расположенные поперечно по отношению к первым. Находка эта интересна и тем, что указывает на довольно ранний возраст срубного поселения у с. Сабатиновки, чему не противоречит и весь остальной комплекс его вещественных остатков. Если следовать принятой в настоящее время хронологии бронзового века в Венгрии, которая, с нашей точки зрения, несколько завышена для группы Тосег, Сабатиновское поселение нужно бы было датировать даже III периодом бронзы, т. е. самое позднее концом II тысячелетия до н. э.

Материалы, которыми располагала О. Китлицова при изучении клада из Старого Седла, позволили ей с уверенностью заключить, что та группа древнейших бронзовых псалий, которую она выделила для Центральной Европы, должна иметь местное происхождение.

Весьма интересный костяной псалий приблизительно такого же возраста был найден при раскопках, производившихся Институтом археологии Академии наук Украинской ССР в 1956 г., на месте древнего русского города Воина, расположенного при впадении р. Сулы в Днепр¹⁰. В этот же круг древностей входит замечательный костяной псалий, найденный на Первом Сусканском поселении срубной культуры у с. Хрищевки Ставропольского района Куйбышевской области¹¹.

Количество известных нам находок костяных и роговых псалий бронзового века из южных областей Восточной Европы, которые были бы близки к среднеевропейским по своему типу, не очень велико. Они существенны тем, что в ряде случаев точно установлена их принадлежность к срубной культуре, определенные фазы которой, таким образом, ставятся в синхронную связь с соответствующими ступенями позднего бронзового века в Венгрии. Они определенно говорят о существовании сношений племен срубной культуры с племенами Западной Европы.

Особая ценность находки бронзового псалия на городище Кюзели-гыра в Хорезме определяется тем, что она, в свою очередь, подтверждает факт существования культурных связей в достаточно раннее время и значительно расширяет наше представление об их диапазоне и направлении в сторону центров древней цивилизации в Средней Азии.

В совокупности перечисленные находки псалий очень интересны для изучения наиболее ранних уздечных наборов на юге Европейской части СССР и отчасти в Средней Азии. Можно надеяться, что эти данные помогут в дальнейшем углубить разработку трудного вопроса в науке о происхождении подобных же псалий в культурах бронзового века в Западной Европе.

¹⁰ Псалий хранится в собрании Института археологии в Киеве.

¹¹ А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954, рис. на стр. 25; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, т. 61, М., 1958, стр. 121, рис. 14, 9.

902.6
П-72

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
издаваемый

*ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИЕЙ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
им. Н. Я. МАРРА*

Основан Н. Я. МАРРОМ

год издания пятый

1935

№ 5—6

ОГИЗ-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Рис. 5. Изразцы XV в.

Хлев в виде бревенчатого квадратного сооружения (4×4 м) имел дощатый потолок и рубленые деревянные стенки. Пол был в виде сплошного настила из тонких березовых бревен. По середине пола стояла длинная ($2\frac{1}{2}$ м) выдолбленная из одного дерева колода. Внутри данного сооружения на толщу до 30 см лежал уплотненный, слежавшийся, конский на-

воз. Повидимому, это была одна из конюшен большого конюшенного двора.

В отдельных раскопах №№ 3, 4, 5, 6, где деревянные постройки, связанные с напластованием среднего культурного слоя, не доходят до самого подстилающего слоя, удалось проследить наличие третьего нижнего культурного слоя. Толщина этого последнего слоя от 30 см до $\frac{1}{2}$ м. Везде нижний культурный слой отделен от вышележащего, среднего, прослойного гумуса, не содержащего культурных остатков. В этом слое найдены обломки глиняной посуды, вполне типичной для времени XI—XIII вв., обломки стеклянных цветных браслетов (XII в.) и несколько бронзовых мелких украшений (перстни, височные кольца) курганного образца.

Это доказывает, что на территории Рязани, еще задолго до основания здесь кремля, до момента перенесения столицы Рязанского княжества из г. Старой Рязани в г. Переяславль Рязанский, существовало селище.

Н. Милонов

Рис. 6. Изразцы XV в.

Археологические разведки по реке Чу в 1929 г.¹

В 1929 г. по заданию Киргизского научно-исследовательского института в г. Фрунзе мною было проведено предварительное археологическое обследование левобережья р. Чу в предгорьях Александровского хребта от селения Алексеевки, около ст. Карабалты, до селения Джиль-Арык у выхода р. Чу из Буамского ущелья.

На маршруте, пройденном разведками,

было зарегистрировано всего 655 памятников, а именно: одна стоянка конца бронзовой эпохи, 632 кургана в 83 группах, один могильник с оссуариями, 16 развалин городов и поселений феодального времени и 4 каменных бабы.

Древнейшим из зарегистрированных па-

¹ Разведки были проведены с 25/VI по 27/VII.

Рис. 1—6. Обломки глиняной посуды с стоянки у Карагачевой рощи на северном краю г. Фрунзе.

мятников оказалось поселение бронзовой эпохи,¹ находящееся на правом берегу рукава или старицы р. Аламедин против Карагачевой рощи, на северном краю г. Фрунзе (по карте № 1). Культурный слой стоянки был прослежен в канаве, идущей с севера на юг вдоль берега старицы. Он залегал в лессовидной почве с галькой, на глубине от 30 до 60 см от поверхности, на протяжении 35 м. На стоянке было собрано 25 черепков глиняной посуды и несколько костей мелкого и крупного рогатого скота, повидимому, коровы и овцы.

Обломки посуды имеют некоторое сходство с керамикой поселений и могил андроновского типа бронзовой эпохи в Казакстанских степях. Горшки были леплены без применения гончарного круга, от руки, из среднепромешанной глины без искусственных примесей. Закрайны сосудов имеют вертикальную отогнутую и вогнутую внутрь постановку; стенки выпуклые; днища плоские. На пяти черепках с закраинами нанесен мелкозубчатый чеканом и нарезками острой па-

лочкой орнамент в виде различных городков и параллельных линий (рис. 1—5). Среди других фрагментов посуды следует отметить еще один обломок низенькой прямостенной чашечки (рис. 6).

Ко времени этой стоянки можно отнести одно бронзовое орудие, найденное при прокладке шоссе из г. Фрунзе в г. Токмак на церковной площади села Лебединки в 1928 г. (по карте № 125). Оно имеет вид массивного круглоульчатого кельта с широкой лопастью лезвия; небольшая однобокость кельта, заметная в профиле, указывает на возможное употребление его в качестве мотыги (рис. 7).

Следующую группу памятников составляют курганы кочевников эпохи распада родового строя. Эти курганы выделяются из других своеобразным признаком, известным пока лишь в Семиречье: курганы располагаются в группах более или менее правильными цепочками, вытянутыми с севера на юг (рис. 8). Раскопки курганов «в цепочках», произведенные в 1928 г. М. В. Воеводским и М. П. Грязновым около развалин средневекового города с башней «Бураной» к югу от г. Токмака, дали могилы с инвентарем в виде прекрасно выделанной, хорошо обожженной глиняной посуды круглодонной полусферической формы, остатки китайских лаков, электроновые штампованные бляхи с китайскими драконами и эллинистическими головками и пр.

¹ В 1930 г. при производстве раскопок курганов с мусульманскими погребениями близ п. Нахаловка около Аламединской ГЭС, в насыпи одного из них М. В. Воеводский нашел несколько пластинок из кремня со следами обработки, что указывает на существование по р. Чу более древних памятников, чем описываемая стоянка.

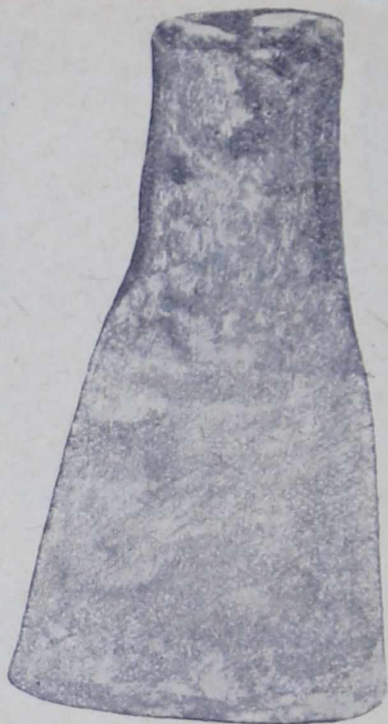

Рис. 7. Бронзовый кельт, найденный в с. Лебединке.

Такой же характер имели могильные инвентари в курганах цепочками по раскопкам тех же исследователей в 1930 г. на берегу оз. Иссык-Куля. Комплексы могильных инвентарей позволяют отнести курганы в цепочках к первым векам нашего летоисчисления, т. е. к тому времени, когда в Семиречье и вообще в областях к востоку и северо-востоку от Согда господствовали кочевые орды «усуней».

По истории старшего дома хана во II в. до нашей эры население страны «усуней» насчитывало 630 тысяч душ или 120 тысяч кибиток и могло выставить 188 800 вооруженных воинов.¹

В орды «усуней» входили «юэчжи» и племена некогда разгромленных усунями народов «сэ» или «саков».²

Усуни делились на три части, управлявшиеся родовичами Большого Гуньмо, под его «верховой зависимостью». О том, какова была «верховная зависимость» отдельных предводителей орд усуней от Большого Гуньмо, можно судить из следующего: когда к нему прибыл посол Чжан-Кянь с предложением китайского двора о перекочевке усуней на восток для поселения их в качестве китайской пограничной охраны против

хуннов, то он получил отказ, мотивированный тем, что на это не дали своего согласия усуньские старейшины, а сам «Гуньмо был в преклонных летах и по причине разделения земель не мог повластно управлять страной».¹

Роль старейшин, выступающая в этом рассказе, показывает, что органы власти еще не выросли из рамок родовых и племенных связей, хотя определенные шаги к этому, в виде установления господства племен «усуней» над племенами «юэчжи» и «сэ» и установления наследственности власти Большого Гуньмо за его сыновьями, были уже сделаны.

Китайская царевна, отданная в 107 г. до н. э. замуж за усуньского Гуньмо, в песне о пребывании на далекой чужбине рассказывает, что Гуньмо «живет в круглой хижине, обтянутой войлоками, питается мясом, пьет молоко».² В таком же виде по китайским источникам рисуется быт и остального населения усуней: «усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволию в траве и воде. В обыкновениях сходятся с хуннами. В их владениях много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов. Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству».³

Как уже было отмечено, курганы располагаются в группах цепочками. Каждая такая цепочка состоит из трех или пяти курганов. Цепочки, в свою очередь, чаще всего располагаются меридионально, так что одна цепочка служит как бы продолжением другой, образуя, таким образом, большую цепь; две-три таких цепи, расположенные обычно параллельно друг к другу, образуют курганный группу (рис. 8).

В зависимости от подпочвы курганы бывают насыпаны из лессовидной глины, из галечника или из камня. Размеры курганов различны. Есть группы, состоящие из больших курганов, например, группа, изображенная на рисунке № 8 у села Ново-Николаевки, в которой средняя высота насыпей колеблется от 4 до 6 м, а диаметр от 40 до 80 м. Группы из таких крупных курганов встречаются редко. Основная масса курганников состоит из насыпей от 50 см до 1,5 м высотой, при диаметре от 20 до 40 м. Довольно редко встречаются группы, состоящие из совсем маленьких курганов, как, например, группа № 108 на южном краю села Петровского, высота курганов которой не превышает 15—30 см.

¹ Иакинф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, ч. III, стр. 64.

² Там же, стр. 65.

¹ Там же, стр. 66.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 64.

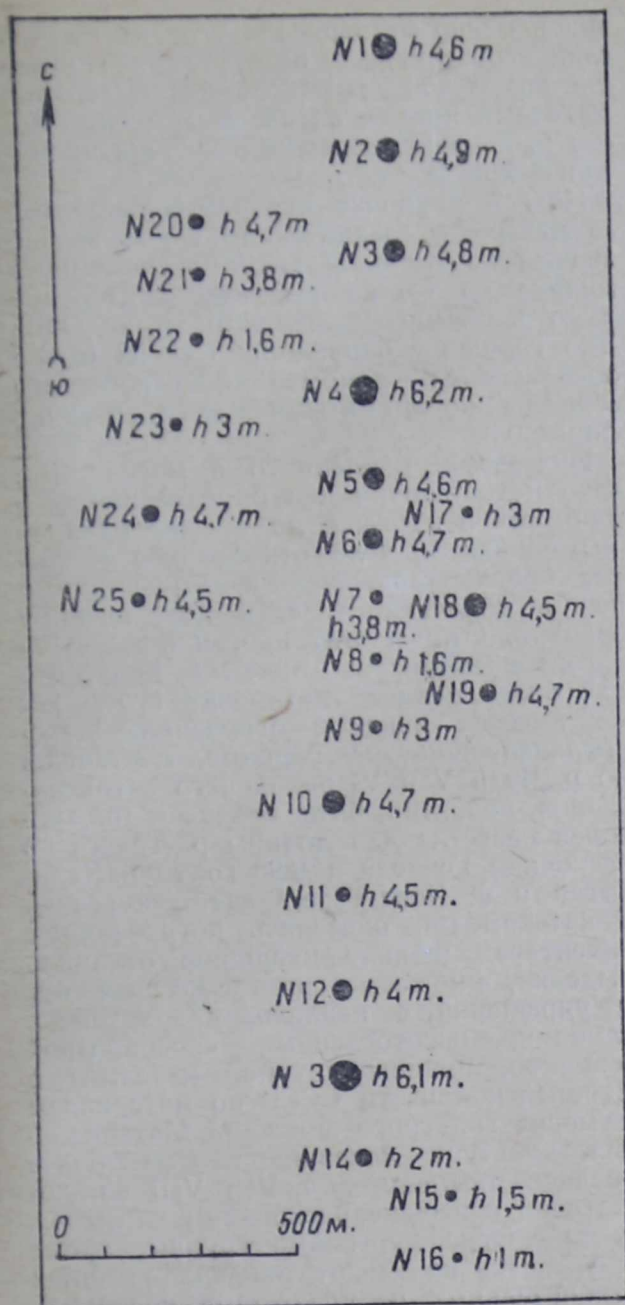

Рис. 8. Курганная группа № 1 в $1\frac{1}{2}$ км к югу от с. Ново-Николаевского.

Взаимная связь и зависимость описанных черт курганов в группах цепочками может быть выяснена лишь путем постановки специальных раскопок и съемок планов с большого количества групп. Весьма возможно, что территориально обособленные группы из цепочек представляли собой родовые кладбища, а отдельные цепочки в них на первых порах могут быть истолкованы как отражение некоторой обособленности внутри рода больших патриархальных семей, получивших особые места для каждой на родовом кладбище. Наблюдающееся различие цепочек по размерам курганов могло установиться в прямой зависимо-

сти от неравномерности накопления богатств в руках отдельных родов и больших семей; недаром в это время появились такие скотоводы, которые держали тысячи голов коней.

Около дороги из г. Фрунзе в село Черную Речку, примерно в 4 км к северо-западу от п. Дунганы, была встречена группа из двух курганов (по карте № 31). Через середину одного из них с севера на юг прошел разрушивший его почти до основания большой «казенный» арык. В восточной стенке арыка в кургане при зачистке обнаружился край могильной ямы, длиной 1,5 м, шириной 0,5 м. От самого покойника ничего не осталось, на сохранившемся краю могильной ямы лежало три кучи черепков от глиняной посуды. Из этих обломков удалось собрать три сосуда: два больших, почти целых, и один неполный. Сосуды одинаковые — шаровидные: края горла отогнуты наружу, днища круглые, а у двух более полно сохранившихся сосудов около закраин оказались носики для сливания (рис. 9). Изготовлены они были без гончарного круга на тканом шаблоне, от которого на внутренней стороне днищ образовались ясно заметные отпечатки. Судя по форме и большой величине, эти сосуды могли служить или подойниками, или просто сосуда для хранения молока.

От посуды из курганов около развалин города с башней «Бураной», исследованных в 1928 г. Воеводским и Грязновым, они отличаются только более низким качеством отделки и своими размерами, техника же их изготовления путем «этажной» накладки лент на основание, сформованное на шаблоне, обтянутом тряпкой, одинакова.¹

¹ М. В. Воеводский, К истории гончарной техники народов СССР, Этнография т. 4, 1930 г., стр. 65—66.

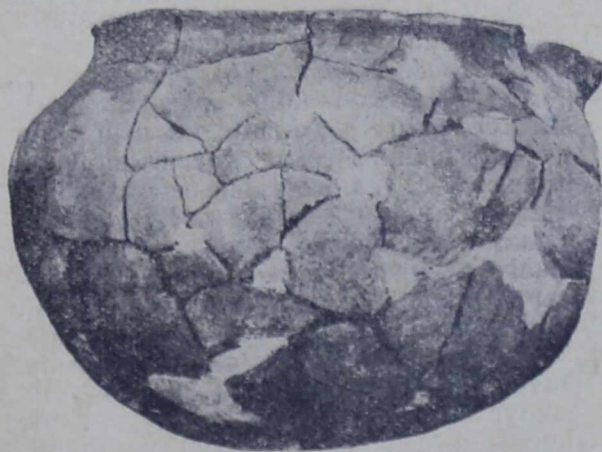

Рис. 9. Глиняный сосуд из погребения в кургане № 1, группа № 31, близ пос. Дунганы.

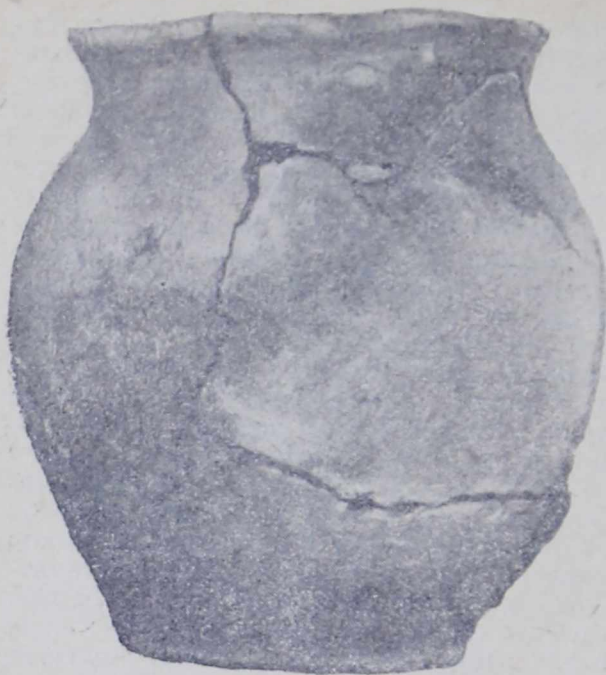

Рис. 10. Глиняный сосуд из погребения в кургане № 1, группа № 18, на левом берегу р. Аламедин, напротив с. Молдавановки.

В 1930 г. во время раскопок М. В. Воеводского около п. Нахаловка, близ Аламединской ГЭС, на краю надпойменной террасы, вдоль которой проходит канал гидроэлектростанции, была обнаружена стоянка с культурным слоем, насыщенным обломками от глиняной посуды, подобной найденной в описанном полуразрушенном кургане; кроме обломков посуды, в нем было найдено множество напярсел цилиндрической формы, различных грузил и костей животных.

Нужно предполагать, что это поселение не одиночно и что дальнейшие работы глубже ознакомят нас с характером оседлости, а, по всей вероятности, и земледелия в стране усуней, о которых умалчивают китайские источники.

Доисследование другого кургана (по карте № 18), наполовину разрушенного левым берегом р. Аламедин напротив села Молдаванки, дало древнейший из известных нам памятников земледельческой культуры в долине р. Чу. Первоначально этот курган имел вид низкого шарового сегмента, насыпанного из земли высотой в 0,75 м, диаметром в 20 м. При расчистке восточного края кургана, обнаженного в обрыве, у самого обрыва, в центре, была встречена могильная яма с закругленными углами глубиной от подкурганного горизонта 0,98 м, шириной 0,73 м, длиной 1,8 м. На дне ямы лежал костяк старика — головой на Ю-Ю-З., на спине, с руками вдоль туло-

вища. Влево от черепа в углу ямы стоял глиняный сосуд, у нижней трети предплечья левой руки лежал маленький железный нож, а на левой лобковой кости небольшая железная трубочка цилиндрической формы.

Нож и трубочка нехарактерны. Интересен сосуд, сравнительно грубо вылепленный из глины в виде плоскодонного горшка со слегка выпуклыми стенками и отогнутыми закраинами (рис. 10). Дно горшка с наружной стороны оказалось сплошь покрыто обуглившимися зернами проса, вмятыми в него во время формовки.

Инвентаря, найденного в могиле, далеко недостаточно для определения времени этого кургана, но все же едва ли мы ошибемся, если отнесем его к эпохе, предшествовавшей культуре курганов в цепочках, т. е. к доусуньскому времени. Относя этот курган к доусуньскому времени, мы имеем в виду, что для более поздней датировки его у нас не имеется никаких оснований. Материальная культура народов, обитавших по р. Чу в V и VI вв. нашего летоисчисления, вероятно, была близка к той, которая известна для долины р. Таласа по раскопкам Гейкеля в 1898 году у п. Куянтугай и п. Чонг-Тепе,¹ где в курганах с катакомбами оказались погребения с инвентарем в виде кувшинов отличной выделки, множества разнообразных бус и украшений с накладным золотом и камнями, изготовленных своеобразной техникой, приемы которой известны в Европейской части СССР по материалам из могил гуннского времени.² Материальная культура кочевников еще более позднего времени, т. е. VII—VIII вв. достаточно освещена раскопками Фетисова.

Все другие курганные группы, кроме описанных, не имеют никаких внешних отличительных черт, которые позволили бы отнести их к той или иной эпохе. На нескольких курганах были найдены черепки бронзовой эпохи в выкидах из нор. Размеры курганных групп невелики: обычные группы, состоящие из 5—10 курганов. Только в одной группе, находящейся в 1 км к юго-западу от горы Чон-Пельдеч (по карте № 9), оказалось 59 насыпей.

Развалины городов, крепостей и поселений встретились на всем протяжении маршрута разведок; их не оказалось лишь на сдавленном горами участке долины р. Чу, расположенном к востоку от г. Токмана.

Среди них имеются развалины как

¹ См. картотеку А. А. Спицына, Архив ГАИМК.

² См. Т. М. Минаева, Погребения с трупосожжениями около Покровска.

раннего времени, так и времени кокандской экспансии XIX века. Примером памятников последней могут служить остатки поселения, расположенного на высоком левом берегу р. Кизыл-Су около поселка Кумбулун близ г. Токмака (карта, № 46), состоящего из одного или двух десятков уничтоженных временем небольших глинобитных построек.

О времени появления в Семиречьи городов, укреплений и земледельческих поселений, которые В. Бартольд неоднократно связывал в своих работах с согдийской колонизацией, ничего неизвестно. Сюан-Цань, проехавший в 648 г. нашей эры из г. Аксу в Самарканд вдоль южного берега оз. Иссык-Куля и вдоль Александровского хребта по р. Чу, застал здесь уже довольно развитую городскую и земледельческую культуру. Он сообщает, что местное население занималось земледелием и торговлей, а рынки их городов привлекали к себе купцов из отдаленных стран. Страна называлась «Су-ли»; каждый город ее имел, независимо от других, владельца подчинявшегося только тюркам, т. е., господствовавшему в это время в Семиречьи западному отделу тюрков — западной тюркской империи.¹

Восьмой век нашей эры в Семиречье протекал в условиях непрерывных феодальных войн тюркских владетелей между собой; в их борьбе деятельное участие принимали также и владетели городов. К этому времени относится замечание китайского историка о том, что земледельцы, принадлежавшие к городу Таласу, «ходили в латах и захватывали друг друга в неволю»;² вполне возможно, что, именно в эту эпоху и выросла основная масса укреплений, развалины которых покрывают долину р. Чу в настоящее время.

В IX—X вв. городская культура достигла в местности по р. Чу высшего развития, после чего она начала клониться к упадку.³ Большой упадок ее наблюдался в период монгольского завоевания. Так, по китайскому маршруту 1259 г. в местности по р. Чу кругом встречались развалины и множество древних валов, хотя еще было население, занимавшееся земледелием и торговлей, а долина была орошена каналами.⁴ В XVI в. в долинах рр. Чу и Таласа стояли уже только раз-

валины, причем даже названия разрушенных городов были всеми забыты.¹

Наиболее определенной находкой раннего семиреченского средневековья (примерно домусульманского или раннему-сульманского времени) является погребение, в оссуарии, обнаруженное при разработке карьера для балласта на краю надпойменной террасы с левой стороны магистрального арыка Аламединской ГЭС близ п. Нахаловка, несколько ниже местонахождения вышеописанной стоянки усуньского времени (карта, № 28). По сообщению рабочих оссуарий был найден весной 1929 г. в цилиндрической или несколько расширяющейся книзу яме, глубиной около 2 м. Сверху он был накрыт каменной плитой, на которой стояло несколько сосудов. Внутри оссуария находились человеческие кости. Все найденное было разбито и разбросано. Во время осмотра места находки оссуария мне удалось собрать несколько обломков от него, составивших часть стенки, обломок глиняной крышки оссуария и несколько светлосерых черепков от стоявших над ним горшков. По восстановленной части оссуария видно, что он первоначально представлял собой небольшой плоскодонный гробик овальной формы со слегка выпуклыми стенками, украшенными снаружи схематичным зигзагообразным и циркульным орнаментом, спорадически разбросанными треугольными и квадратными сквозными отверстиями. В общем он был весьма похож на обычные оссуарии, находимые под Ташкентом и Самаркандом;² такой

нью Азию с научной целью 1893—94 гг., Записки Акад. наук, т. I, № 4, стр. 37.

¹ Там же, стр. 38—39.

² И. А. Кастанье, Древности Киргизской степи и Оренбургского края, рис. на стр. 116.

Рис. 11. Черепок от поливного сосуда с развалин Турткуль в с. Ново-Николаевском.

¹ В. Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, Записки Вост. отд. Русск. арх. общ., т. 8, стр. 2.

² Там же стр. 7.

³ Бартольд, Очерки истории Семиречья, Памятная книжка Семиреч. статист. комитета, П., 1898 г.

⁴ В. Бартольд. Отчет о поездке в Сред-

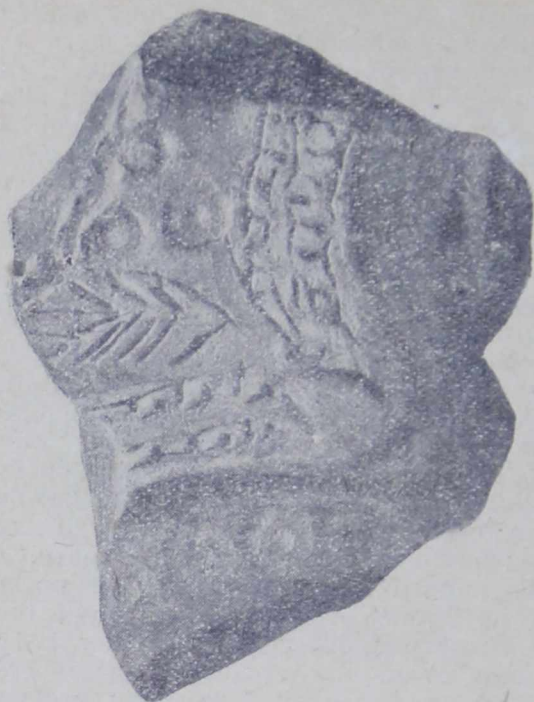

Рис. 12. Обломок глиняного столика с тех же развалин.

же обычной являлся и обломок крышки от него.

Во время раскопок М. В. Воеводского в 1930 г. в насыпи одного кургана с мусульманскими могилами, находящегося примерно в 50 или 60 м от места находки нашего оссуария, были найдены куски другого оссуария с барельефными изображениями стилизованных человеческих фигурок. Фигурки на этих обломках оказались совершенно подобными фигуркам, покрывающим стенки Пишпекского оссуария, описанного в 1922 г. В. В. Бартольд, найденного при постройке Аламединской ГЭС, и весьма возможно, что опять-таки близ п. Нахаловки. Находки оссуариев на месте разрешают с положительной стороны те сомнения, которые были высказаны В. Бартольд в подлинности пишпекской находки как оссуария, а не предмета с иным назначением.¹

К югу от могильника с оссуариями на небольшом расстоянии друг от друга находятся развалины трех громадных сооружений, осыпавшихся в виде курганов конусовидной формы (по карте № 27).

В стенах одного из них, невысоко над уровнем поверхности, с разных сторон пробито несколько свежих кладонска-

тельских ходов, по одному из которых, как по коридору, можно проникнуть почти до самого центра сооружения. Осмотр стенок кладонскальских ходов показал, что эти бугры выложены массивной сплошной кладкой из сырцового кирпича. Сохранившаяся высота сооружений от 7 до 9 м, окружность по сильно оползшему основанию от 200 до 230 м. Может быть, они являются остатками каких-либо погребальных сооружений; так, в кладонскальской яме, вырытой на вершине подобной же сопки, находящейся на территории развалин города у села Красная Речка (карта, № 38), оказалось несколько костей человека.

Подъемные материалы на развалинах городов бедны и малохарактерны. Богатые культурными остатками слои глубоко заплыли под осыпями различных глинобитных построек. На поверхности развалин чаще всего встречаются лишь обломки обожженных кирпичей и черепки от неполивной и неорнаментированной посуды. Собранные материалы оказались столь незначительны, что не позволяют установить даже примерно время большинства развалин, не говоря уже о более широких выводах.

Вследствие этого приведу здесь описание только наиболее характерных и типичных развалин, а именно: развалины «турткуля» в селе Ново-Николаевке (карта, № 97), развалины «Сыташ» на верхнем конце села Юрьевки, на правом берегу р. Арасан (карта, № 67), развалины города с минаретом «Бурана» (карта, № 57), развалины около п. Караджигач в урочище «Золотое» (карта, № 124), развалины города у села Красная Речка (карта, № 38), развалины «турткуля» к западу от села Чала-Казак (карта, № 61).

Развалины турткуля в селе Ново-Ни-

Рис. 13. Обломки глиняных столиков с тех же развалин.

¹ В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, Известия Росс. Акад. истории матер. культуры, т. II, стр. 18—19.

колаевке¹ в виде невысоких бугров от глинобитных построек занимают всю среднюю и северную часть села, где они, группируясь вокруг цитадели, выходят за его пределы в огороды.

Сама цитадель — «турткуль» — расположена за селом в заболоченной низине, охватывающей ее со всех сторон. Она имеет вид четырехугольника, ориентированного своими сторонами по странам света. Длина цитадели с востока на запад 260 м, ширина с севера на юг 233 м, высота снаружи 9 м. Северная и южная стены прерываются друг против друга понижениями в виде въездов. Поверхность внутри цитадели стоит почти на одном уровне с краями стен, стены выделяются от нее лишь небольшим повышением в виде вала. Весь северо-западный угол цитадели занят большой впадиной, доходящей своим дном почти до уровня поверхности вне цитадели. В середине западной стены, выступая за нее наружу и внутрь, возвышается бугор от квадратной башенки, сложенной из кирпича сырца; основание ее 40 на 40 м, высота над стенами 2,5 м. Юго-восточный угол цитадели окопан небольшим рвом, он служит местом кладбища села Ново-Николаевки.

Жители этого села сообщали, что при рытье ям для могил на кладбище часто бывают различные находки, из них наиболее интересны каменная плитка с рельефным изображением мужской фигуры и находки слитков свинца весом до 8 кг; последнее, может быть, стоит в связи с существованием в древности разработок месторождений свинца на Александровском хребте, расположенных недалеко от этого места.

В выкидках земли из ям на кладбище мне удалось найти несколько орнаментированных и поливных черепков гли-

¹ Краткое описание развалин «турткуля» в селе Ново-Николаевке приведено со слов Дудина Бартольдом в отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893—94 гг., стр. 23.

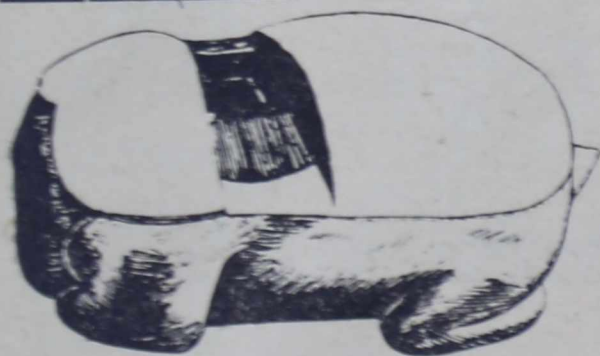

Рис. 14. Каменная черепаха с развалин Сынташа у с. Юрьевки.

Рис. 15. Каменная ступа с тех же развалин.

няной посуды, обломок сфероконического сосуда и несколько обломков «глиняных столиков».

Полива на черепках — белая, блестящая, с коричневыми разводами (рис. 11).

«Глиняные столики» должны были иметь вид массивного диска около 50 см в диаметре, толщиной от 8 до 10 см, опирающегося на три коротких (10—15 см) конусовидных ножки.¹ Верхние поверхности их совершенно гладкие, тщательно заполированы и, кажется, покрыты ангобом, нижние же стороны орнаментированы лепкой, чеканом и нарезками в виде трилистников и других стилизованных растительных форм (рис. 12 и 13).

Орнаментальные мотивы и техника их исполнения на «столиках» близка к таковой же на оссуариях, что, по нашему мнению, позволяет видеть в них памятники одного времени.

Вероятно, к несколько более позднему времени, чем описанные развалины, относятся развалины поселения «Сынташ» около села Юрьевки на правом берегу р. Арасана (Иссыгаты). Развалины Сынташа занимают площадь около 0,5 кв. км; нижняя часть их застроена крестьянскими усадьбами. Во многих местах на Сынташе виднеются остатки небольших глинобитных сооружений, часто встречаются блоки тесаного камня и множество керамических фрагментов.

Близ села у р. Арасан на небольшой ровной площадке находятся две гранитные колонны, одна из них стоит. Обе колонны одинаковы — восьмигранные, в

¹ На цитадели развалин поселения между селами Полтавским и Петровским (карта, № 103) мною был найден почти целый такой столик, но за отсутствием транспортных возможностей, нам пришлось закопать его в землю на месте находки.

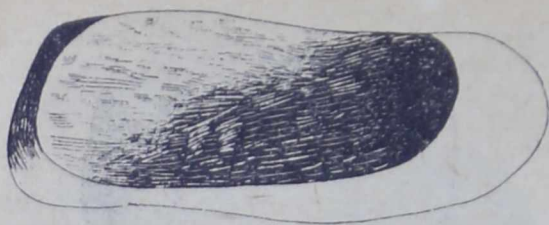

Рис. 16. Нижняя плита от ручной зернотерки с тех же развалин.

основании круглые, кверху слегка утончаются, по концам опоясаны желобками, внизу по сторонам граней перемежаются простые лопасти; высота 2,9 м, сечение 0,7 м.

Во время работ на Сынташе жители села Юрьевки нередко находят различ-

ные древние предметы, из которых каменные ступы и глиняная посуда используются в хозяйстве, они имеются почти в каждом дворе верхнего конца села.

Один крестьянин, Д. М. Лесовой, собрал на свой двор с Сынташа целую коллекцию таких находок. Среди них обращают на себя внимание черепаха, ступа и жернова, высеченные из местного серого гранита. Черепаха с отбитым хвостом и головой, наружный панцирь ее и ноги высечены глубоким рельефом, но на спине сделано ступенчатое гнездо для установки стелы (рис. 14). Длина 55 см, ширина 44 см, высота 22 см, диаметр шеи 22 см. Ступа имеет яйцевидную форму с неровными краями, вероятно сбитыми во время работы. Высота ступы 57 см, диаметр верха 47 см,

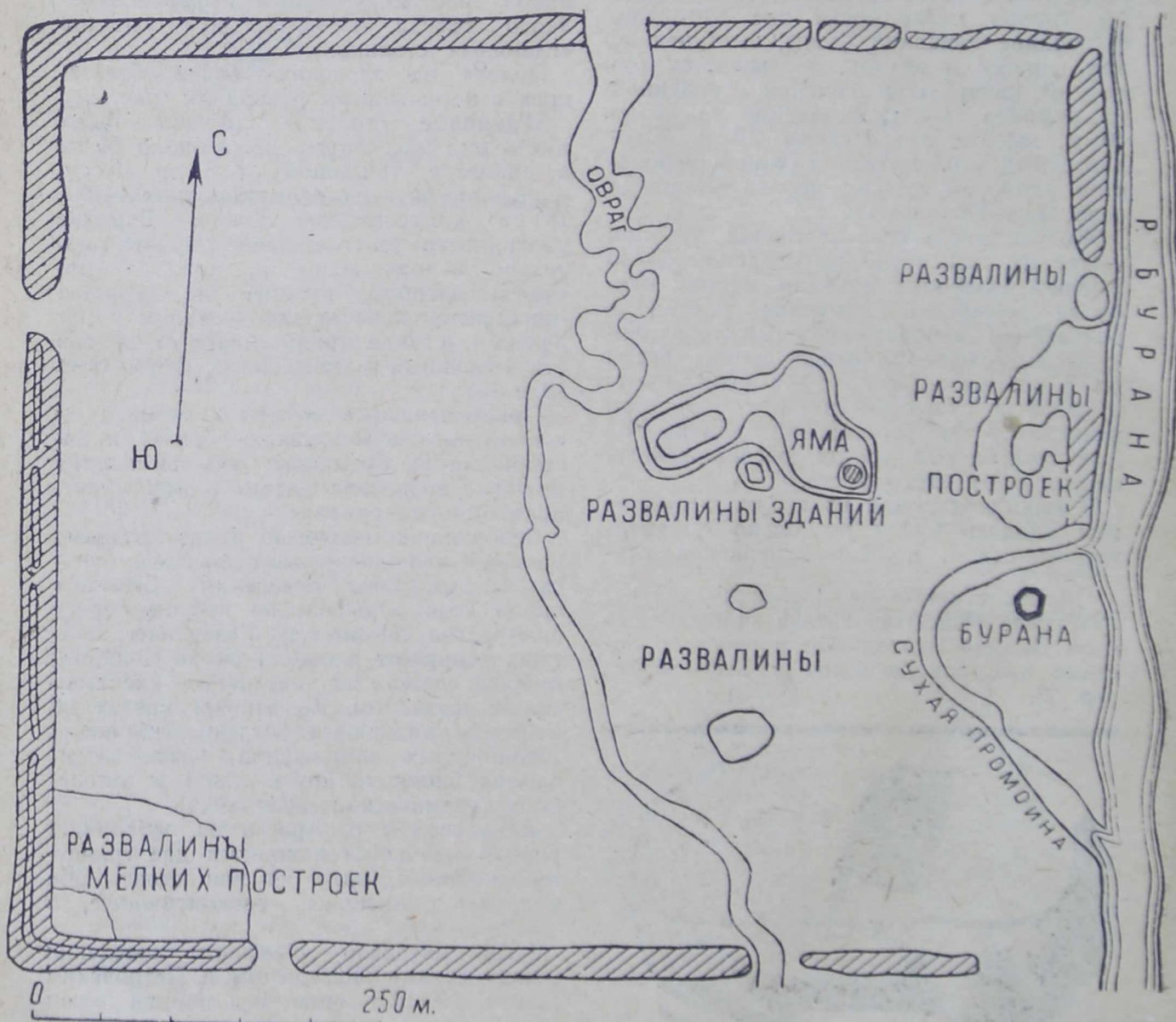

Рис. 17. Глазомерный план развалин укрепления с башней Бураной около г. Токмака.

диаметр гнезда 30 см и глубина его тоже 30 см (рис. 15).

Один жернов обычный: круглый, с плохой мельничной насечкой, размеры его около 1,2 м в диаметре. Другой представляет собой нижнюю плиту от ручной зернотерки больших размеров, с глубокой протертой верхней поверхностью (рис. 16). Длина камня 80 см, ширина 43 см, толщина 18 см.

Посуда на Сынташе различной формы и величины, здесь встречаются маленькие кувшины, горшки, хумы. Посуда неполивная и без орнамента, у нее своеобразные ручки в виде скрученных жгутов. Только один предмет оказался покрытым поливой, это был небольшой светильник, подаренный мне нашедшим его, полива на нем голубовато-зеленоватого цвета.

Известный минарет Бурана, датированный при реставрационных работах 1927 г., X—XI вв.,¹ расположен внутри городища, находящегося на левом берегу р. Бураны, к югу от села Чала-Казак. Городище в виде четырехугольного вала ориентировано сторонами по странам света

¹ И. И. Умняков, Археологические и реставрационные работы Средазкомстара в 1927 году, Известия Средазкомстара, вып. III, стр. 270. Кроме того, развалины Бурана довольно подробно описаны В. Бартольд в отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893—94 гг., стр. 26—27 и у В. М. Флоринского, Первобытные славяне, т. I, стр. 295.

Рис. 18. Обломки неполивной посуды с развалин в урочище „Золотое“ около с. Караджигач.

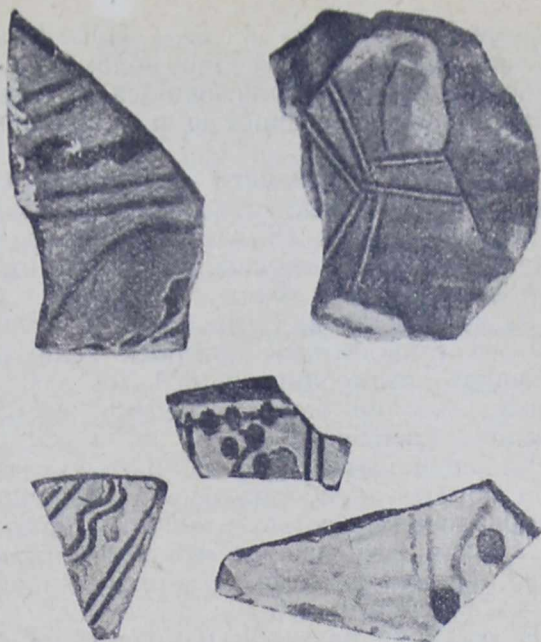

Рис. 19. Обломки поливной посуды с тех же развалин.

(рис. 17). Восточная стена его почти вся смыта р. Бураной, южная стена сильно испорчена арыками, лучше остальных сохранилась западная стена. Стены выложены массивной кладкой из сырцового кирпича, ее хорошо видно в недавнем проломе западной стены.¹ Ширина вала в основании в среднем около 20 м, высота 3—3,5 м. Длина укрепления с востока на запад 680 м, ширина 630 м. Бугры развалин построек из сырцового и жженого кирпича группируются к середине восточной стены вокруг башни Бураны, к северо-западу от нее находятся развалины двух самых обширных на территории города построек, слившихся между собой осыпями в основании, высота их превышает 7 м.

Культурный слой в обрыве р. Бураны состоит из массы битого кирпича, золы, обломков глиняной посуды и костей животных, толщина его здесь колеблется от 2 до 3 м. В направлении к западной стене, около которой отсутствуют большие развалины, культурный слой утончается и почти совсем пропадает около самой стены.

Находки на развалинах Бураны составились из небольшого количества обломков посуды. Среди них оказалось несколько обломков с бледно-голубоватой и белой поливой. Среди обломков неполивной посуды встретилось несколько черепков с простым арочным и циркульным орнаментом. Как и на раз-

¹ Фотографию кладки см. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—94 гг.

валинах «турткуля» в селе Ново-Николаевке, здесь был найден обломок глиняного столика, отличающийся от находок на первом бедностью и схематичностью орнамента.

Развалины последнего поселения, давшие очень ценные материалы, расположены в урочище «Золотое» около п. Караджигач, находящегося в 10—12 км к юго-востоку от г. Фрунзе.

Развалины в виде невысоких холмиков от глинобитных построек занимают площадь размерами в 600 на 600 м. Среди них не было встречено никаких следов укрепления.

Большая часть селища распадается под посевы и изборождена в различных направлениях сетью мелких арыков. В арыках встречаются человеческие кости, кирпичи и мелкие обломки поливной и неполивной посуды.

В середине развалин на одном из более крупных бугров было найдено несколько больших кусков глиняной черепицы, покрытой яркой зеленой и синей поливой. Внутренние стороны ее носили на себе четкие следы отпечатков тонкой

ткани от болванок, на которых она была изготовлена.

Неполивная посуда орнаментирована различными арыками, розетками и штампованными стилизованными растительными мотивами (рис. 18). Поливная посуда из белой глины. Полива на ней толстая стеклянстая, прозрачная, — белого, зеленого и синего цвета. Под поливой нанесен темной краской линейный геометрический орнамент (рис. 19). Техника этой поливы очень характерна; она вполне соответствует керамическому производству времен господства монголов в Средней Азии, т. е. XIII—XIV вв.¹

Одной из типичных древних форм укреплений, встречающихся на р. Чу, являются так называемые «турткули»,²

¹ А. Ю. Якубовский, К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке, Изв. ГАИМК, т. VIII, 1931 г., стр. 62—63.

² «Турткуль» в селе Ново-Николаевке в этом отношении кажется недостаточно характерным, хотя общего сходства отрицать нельзя.

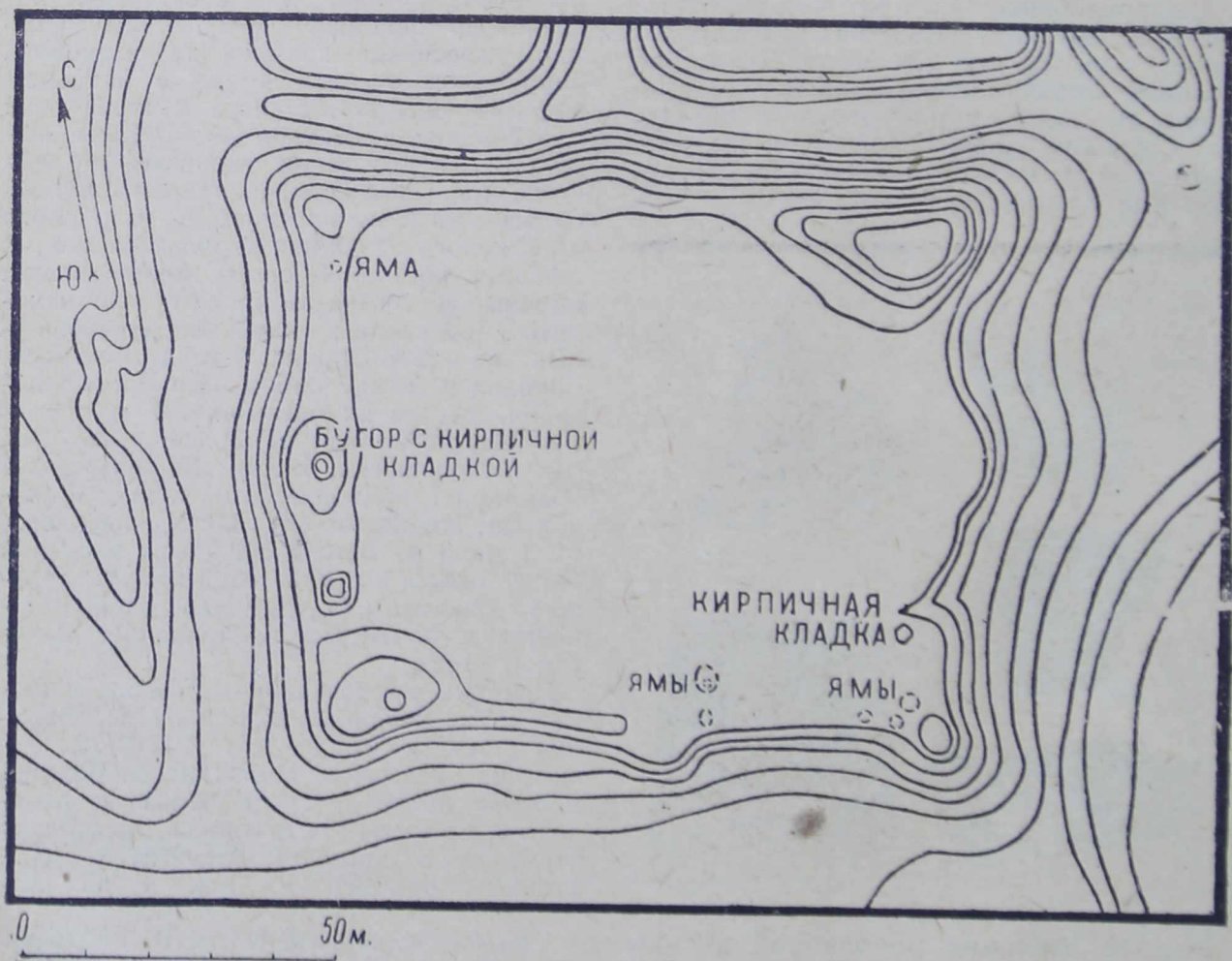

Рис. 20. План развалин укрепления турткуль к западу от с. Чалаказак.

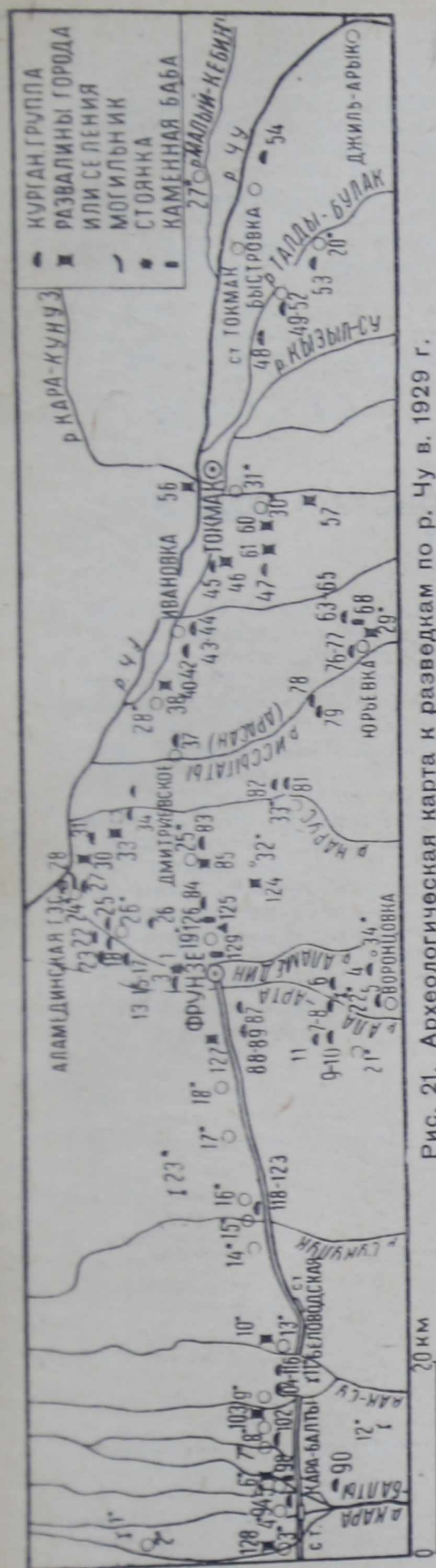

Рис. 21. Археологическая карта к разведкам по р. Чу в. 1929 г.

Географические пункты:

1.* Кудум, 2.* Ставропольск, 3.* Алексеевка, 4.* Кара Балты, 5.* Николаевское, 6.* Турткуль, 7.* Петропавловское, 8.* Полтавское, 9.* Петровское, 10.* Чаловар, 11.* Кеңже, 12.* Тюрк-Кельды, 13.* Беловодское, 14.* Александровское, 15.* Садовое, 16.* Новотроицкое, 17.* Романовское, 18.* Антоновское, 19.* Лебединка, 20.* Орловка, 21.* Павловское, 22.* Ескембай, 23.* Байтын, 24.* Нахаловка, 25.* Покровское, 26.* Молдаванка, 27.* Карабулак, 28.* Красная Речка, 29.* Сынташ, 30.* Чала-казак, 31.* Покровское, 32.* Аул Караджига, 33.* Серафимовка, 34.* Ферма.

Географические пункты, связанные с археологическими памятниками:

128. Шиш-Тюбе, 127. Турткуль, 61. Турткуль, 60. Ак-Пишин, 57. Бурана.

в виду чего считаю нужным привести описание «турткуля», находящегося в одном километре к западу от развалин Ак-Пишин (карта, № 61) несмотря на то, что он не дал никаких руководящих материалов.

«Турткуль» (рис. 20) имеет вид четырехугольника, ориентированного сторонами по странам света. Длина стен с востока на запад 100 м, с севера на юг 80 м. Вокруг он охвачен сильно заплывшим рвом глубиной от 3 до 4 м. Высота стен от дна рва 5—7 м. Поверхность земли внутри крепости стоит почти на одном уровне с краями стен. По углам и серединам стен поднимаются выступами бугры развалившихся круглых башенок, выложенных из обожженного кирпича. Лучшее всего эта кладка видна в башенке юго-восточного угла. Угловые башенки более высокие, чем промежуточные, они поднимаются над стенами на 3—4 м. Вдоль южной и западной стены «турткуля» расположено восемь круглых ям, имеющих вид провалов с завалившимися ходами.

На поверхности крепости и по брустверу, помимо кирпичей, встречаются только мелкие и неорнаментированные черепки глиняной посуды.

Такие «турткули» характерны не только для местностей по р. Чу, но и для всей Средней Азии. К сожалению, до сих пор ни один из них еще не был исследован раскопками. Величина, определенная устойчивость типа «турткулей» и, наконец, их широкая распространенность, невольно наводят на мысль о их связи с господством в Средней Азии мелких «независимых» феодальных владетелей дикхан, домусульманского и раннего мусульманского времени. Так ли это или нет, все же несомненно, что «турткули» заслуживают первоочередного внимания исследователей.

Вышеописанные развалины, не исключая и развалин Бураны, представляли собой сравнительно небольшие города и селения. Наибольшими размерами в долине р. Чу обладают развалины города, расположенного на восточном краю села Красной Речки (карта, № 38). Развалины этого города занимают площадь около 3 км длины и около 2 км ширины, покрытого многочисленными буграми развалившихся сырцовых и глинобитных сооружений и построек, высотой от 1 до 3 м. Среди развалин над поймой р. Чу и р. Кызыл-Су возвышаются остатки цитадели, снабженной с флангов целым рядом более мелких оборонительных сооружений в виде валов.

Среди других бугров от построек к юго-западу от цитадели находится выделяющийся размерами бугор с основанием

четыреугольной формы, — высота его около 9 м.

Сама цитадель квадратная с сторонами по 500 м, ориентированными по странам света. Занимая вообще несколько возвышенное место, цитадель особенно внушительно выглядит со стороны поймы. С напольной стороны она охвачена широким и глубоким рвом; от дна рва поднимаются крутые склоны стен высотой от 12 до 14 м. С каждой стороны вал крепости прерывается несимметрично расположенными понижениями от 5 до 6 м глубиной; вероятно, в этих местах были ворота. Над поверхностью внутри цитадели вал стен поднимается всего на 3—4 м. Поверх-

ность внутри нее ровная, с небольшим понижением к середине, никаких остатков зданий на ней незаметно.

На развалинах города встречаются только неорнаментированные и неполированные черепки глиняной посуды и тонкие отличного обжига кирпичи.

Каменные бабы, встреченные во время разведок, находились не на своих первоначальных местах; по типу они не отличаются от общеизвестных семиреченских статуй, изданных В. Бартольдом в отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893-94 гг.

Материалы и дневники разведок были сданы в Киргизский научно-исследовательский институт в г. Фрунзе.

А. И. Тереножкин

Могильник станицы Пашковской (близ г. Краснодара)

24/III — 1934 г. М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым на правом высоком берегу р. Кубани в 4 км к ю.-в. от ст. Пашковской был обнаружен древний могильник. Вновь открытый могильник является третьим по счету в этом районе, зарегистрированным в числе других памятников истории материальной культуры, археологическим кружком Краснодарской школы № 8 (быв. № 2).

В течение 1934 г., благодаря обвалам берега, происходящим вследствие размыва его р. Кубанью, обнаружилось 5 частично разрушенных обвалами погребений, которые и были исследованы. Погребения данного могильника дают следующую картину; кости залегают на глубине от 1.20 м до 1.65 м, ориентированы головами на ю.-в., лежат на

спине с вытянутыми вдоль тела руками и сопровождаются следующим инвентарем: 1) амфорами в количестве четырех экземпляров, из которых 2 клейменых фазосских, 2) пятью сосудами, имеющими форму кувшинчиков, 3) двумя большими горшками, темной глины, грубой работы, 4) пряслами, 5) костями животных (череп барана и друг.), 6) бусами.

На основании имеющегося пока материала могильник можно датировать III—II вв. до н. э. Вблизи местонахождения могильника следов древних поселений не обнаружено, что дает основание предполагать уничтожение существовавшего здесь ранее городища р. Кубанью, которая необычайно сильно разрушает в этом месте свой высокий правый берег.

М. В. Покровский